

В свое время Д. И. Чижевский убедительно связал соответствующие настроения Гоголя с предсказаниями немецкого мистика Юнга-Штиллинга о конце света, ожидаемом в 1837 году.⁸ И хотя Иван Никифорович так и не собрался на битву с антихристом, но для автора «Миргорода» эсхатологические ожидания сохраняют свою актуальность на протяжении всего его творчества. И лошади Пульхерии Ивановны, эти кони Апокалипсиса, «служившие еще в милиции», несмотря на свою фантастическую старость — вдруг прогремят гоголевской птицей-тройкой, так что вновь станут слышны и флейта, и бубны, и барабан...

⁸ См.: *Чижевский Дм.* Неизвестный Гоголь // Новый журнал (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 140.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-41-58

© Е. Е. ДМИТРИЕВА

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ТОМА «МЕРТВЫХ ДУШ»: ЗАМЫСЛЫ И ДОМЫСЛЫ

Загадок в жизни и творчестве Н. В. Гоголя было, как известно, немало. Одной из самых серьезных, интригующих и до сих пор нерешенных (и нерешаемых) в его наследии оказалась загадка второго тома «Мертвых душ», апофеозом двукратного (по другой версии — трехкратного¹) сожжения которого стало полыхание огня в камине дома А. П. Толстого на Никитском бульваре в ночь с 11 на 12 февраля 1852 года. Огонь уничтожил как будто бы уже совершенно готовую рукопись второго тома поэмы. Говорю «как будто бы», поскольку о существовании полностью законченного тома мы имеем лишь косвенные данные: туманные высказывания самого Гоголя и исполненные надеждой пророчества его современников.² Очевидца этого последнего сожжения, гоголевского слугу Семена, достоверным свидетелем тоже назвать было трудно, тем более что по мере того как его расспрашивали о случившемся, рассказ обростал новыми деталями, а значение собственной значимости возрастало.

Противоречива и история обретения пяти глав второго тома, скорее всего не равнозначных тем, что были сожжены, но все же дававших некоторое представление о том, как должно было развиваться действие поэмы далее. Печаль, которую испытали друзья Гоголя при мысли о том, что второй том навсегда потерян, постепенно стал сменяться некоторой, поначалу робкой надеждой

¹ Ср. в «Четырех письмах к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» («Выбранные места из переписки с друзьями»): «Затем сожжен второй том М<ертвых> д<уш>, что так было нужно. „Не оживет, еще не умрет“, говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем...» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1952. Т. 8. С. 297; далее ссылки на это издание приводятся сокращенно, с указанием номера тома и страницы). Н. С. Тихонравов на основании этого письма относил начало работы над вторым томом к 1840 году (*Гоголь Н. В.* Соч.: В 7 т. 10-е изд. М.; СПб., 1889. Т. 3. С. 536). Второе сожжение второго тома произошло в начале июля 1845 года в одном из городов, куда Гоголь ездил летом в поисках лечения. Как возможное место сожжения называются Франкфурт, Берлин, Карлсбад, Гомбург.

² См. подробнее: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2020. Т. 8. С. 472–476 (раздел «Версии сожжения рукописи», подготовленный Ю. В. Манном).

на возможность его вновь обрести. Е. М. Феокистов, выпускник Московского университета, который присутствовал на похоронах Гоголя, уже на следующий день сообщил И. С. Тургеневу (письмо от 25 февраля 1852 года, Москва): «Как Вы полагаете, слухов об оставшихся сочинениях — бездна. Достоверно то, что он все сжег. Но вчера единогласно говорили, что у гр. Толстого, его главного друга, у которого он жил и умер, остался запечатанный пакет, который откроют чрез 6 недель. Что в нем — неизвестно». И там же добавил: «Достоверно известно только то, что 2-я часть „Мертвых душ“ сожжена».³

Параллельно возникали домыслы о тех людях, друзьях Гоголя и его доверенных лицах, в чьих руках мог все же сохраниться список второго тома. Надежды возлагались в первую очередь на С. П. Шевырева, от которого к тому же можно было ожидать восстановления по памяти содержания, поскольку именно ему Гоголь прочитал наиболее полную версию второго тома: «Надеялись сперва, что что-либо уцелело у Шевырева <...> но все надежды оказались тщетными. Шевырев читал более половины 2-го тома, и как у него память славная, то он изложил содержание первых 7 глав», — сообщил В. А. Жуковскому А. И. Кошелев (письмо от 26 февраля 1852 года).⁴

Параллельно начали циркулировать слухи о том, что список «Мертвых душ» мог быть у великой княгини Ольги Николаевны (дочери Николая I и бывшей воспитанницы Жуковского) или у самого Жуковского. «Ищут, ищут повсюду, нет ли где какого списка со 2-го тома „Мертвых душ“, сожженных самим автором, и нигде не находят, — писал Д. Н. Свербеев Е. А. Свербеевой в Петербург. — Пронесся слух, будто Гоголь отдал список вел<икой> кн<ягине> Ольге Николаевне или Жуковскому; об этом можешь узнать сама».⁵ Эту же версию в письме к А. В. Веневитинову от 1 марта 1852 года изложил и Н. Ф. Павлов, описывая смерть Гоголя: «Дней за десять до смерти, ночью, часа в три, сжег все бумаги, так что Хомяков ни в одном ящике не нашел ничего, нет и готовых семи глав второй части „Мертвых душ“, которые Гоголь читал Шевыреву. Неизвестно, отыщется или нет. Говорят, что список есть у великой княгини Ольги Николаевны».⁶ Источник данных слухов остается непонятным, поскольку Гоголь из Москвы вряд ли мог передать список Ольге Николаевне, которая с 1846 года жила в Вюртемберге, будучи замужем за принцем Вюртембергским.

12 марта Ив. В. Станкевич, младший брат Николая Станкевича, из Острогжска вопрошал Н. М. и А. В. Щепкиных: «Что будет с 2-м томом „Мертвых душ“, будут ли его печатать, осталось ли еще что-нибудь и к кому перешло? Это очень интересно. Неужели он сжег все, что было у него?..»⁷ А в некрологе М. П. Погодин сообщил: «Шкап покойного запечатан и будет разобран по истечении шести недель. Может быть найдется еще что-нибудь там, или в другом неожиданном месте».⁸

³ Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 743; см. также: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. / Изд. подг. И. А. Виноградов. М., 2013. Т. 3. С. 832.

⁴ См.: Гофман М. Л. Последние дни Гоголя (Новые материалы) // Русь (Берлин). 1925. 25 янв. № 1260. С. 2–3; см. также: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 712.

⁵ Там же. С. 847 (письмо от 29 февраля 1852 года).

⁶ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888–1910. Кн. 11. С. 537–538.

⁷ Лит. наследство. Т. 58. С. 754; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 44; см. также: Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критика — читатель. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 289.

⁸ М. П. [Погодин М. П.]. Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. Т. 2. Кн. 1. Март. № 5. Разд. «Московские известия». С. 50; об особенностях данного некролога см.: Воронаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2014. С. 236–238.

И все же самое загадочное таилось не в домыслах, окутавших историю сожжения второго тома, но в документальных о нем свидетельствах. Так, врач А. Т. Тарасенков, прибывший в дом А. П. Толстого на Никитском бульваре «в 10 часов утра в четверг 21 февраля», т. е. менее чем через два часа после кончины Гоголя, и нашедший «уже <...> не Гоголя, а труп его», в своих воспоминаниях, написанных по горячим следам, свидетельствовал об отсутствии в комнате Гоголя каких-либо бумаг: «Когда я пришел, уже успели осмотреть его шкафы, где не нашли ни им писанных тетрадей, ни денег; уже одели в сюртук, в котором он ходил...».⁹ Свидетельство это подтверждается также и составленными 21 февраля (4 марта) 1852 года документами Московской городской полиции об осмотре вещей Н. В. Гоголя. В протоколе, подписанном квартальным надзирателем В. Л. Протопоповым, значилось: «По осмотру нашему в занимаемой умершим квартире действительно кроме незначительного носильного платья и разных книг ничего не оказалось...».¹⁰ Аналогичную информацию содержало и более раннее сообщение о кончине Гоголя, отправленное управляющим графа А. П. Толстого А. И. Рудаковым в полицейскую часть.¹¹ Из протокола осмотра вещей следовало также: при опечатывании, помимо квартального надзирателя В. Л. Протопопова, присутствовали «добросовестный свидетель Страхов», который «по безграмотству приложил печать», А. И. Рудаков и Семен Григорьев,¹² — это впоследствии дало возможность С. Н. Дурьлину предположить, что бумаги, оставшиеся после Гоголя, «частично попали в руки» А. Рудакова.¹³

Шестинедельный срок, установленный при опечатывании, заканчивался в первых числах апреля. Однако ко вскрытию бумаг приступили лишь в конце апреля.¹⁴ И поскольку «гражд<анский> губернатор<ор>» (И. В. Капнист) желал сделать «вскрытие бумаг Гоголя как можно тише», граф Толстой пригласил только Шевырева, не пригласив Погодина.¹⁵ В результате распечатывание бумаг производили: «Тайный советник И. Капнист. Отставной генерал-майор граф Толстой. Статский советник С. Шевырев. Описывал квартальный надзиратель Протопопов. При сем был добросовестный свидетель Страхов, а по безграмотству своему приложил именную печать свою».¹⁶ Произошло это 30 апреля 1852 года, и в самом акте об описи имущества значилось то же, что и в протоколе осмотра вещей, составленном в день смерти Гоголя: «по распечатании» шкафа и шифоньерки и «проведении через опись» имущества Гоголя, «закрывающегося в носильном платье и печатных книгах», «бумаг и документов, которые составляли бы в себе важность, кроме одной домашней переписки, относящейся покойному г. Гоголь, ничего не

⁹ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 919. Рукопись Тарасенкова, датированная апрелем 1852 года, с сокращениями впервые опубликована: А. Т-в [Тарасенков А. Т.]. Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя // Отечественные записки. 1856. № 12. Отд. 1. С. 397–427.

¹⁰ Дурьлин С. Н. «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования: В 2 т. / Под ред. В. В. Гишпиуса. М.; Л., 1936. С. 362 (Литературный архив); см. также: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 960.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 961.

¹³ Там же. С. 370, прим. 1.

¹⁴ Ср. письмо И. С. Аксакова к родным от 28 апреля 1852 года из Москвы: «Бумаг Гоголя еще не распечатывали, ибо Толстой все еще болен, а Марья Ив<ановна> Гоголь пишет к Погодину: делайте, что хотите» (Аксаков И. С. Письма к родным: 1849–1856 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 240 (сер. «Литературные памятники»)).

¹⁵ Паламарчук П. Г. Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 487–488.

¹⁶ Дурьлин С. Н. «Дело» об имуществе Гоголя. С. 367; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 963–965.

оказалось...». ¹⁷ Оставшееся после Гоголя имущество было передано, «с распискою под описью», И. В. Капнисту, А. П. Толстому и С. П. Шевыреву. ¹⁸

Однако уже 2 мая 1852 года, т. е. спустя три дня после вскрытия печати, С. П. Шевырев в письме М. П. Погодину из Москвы сообщил о нечаянной находке бумаг: «Бумаги открыли. Нашлись Объяснение на Литургию и 4 главы черновых 2-го тома М. Душ. Подробнее при свидании». ¹⁹ О том же 2 мая 1852 года Шевырев писал и К. А. Коссовичу: «Открыли бумаги Гоголя. Нашлось его Объяснение на литургию — и четыре черновые тетради 2-го тома „Мертвых душ“. Скажите это Бартеневу. Можете себе представить, как я обрadowался этой находке?» ²⁰ Информацию эту подтверждало также и письмо к родным И. С. Аксакова от начала мая 1852 года из Москвы: «Вчера мы видели Шевырева, он сказал, что послал Вам письмо: бумаги Гоголя разобраны: найдено 5 черн<овых> глав из „Мертвых душ“ и объяснение литургии и вообще много таких вещей, которые еще более характеризуют этого святого человека!..» ²¹

В письме к Погодину от 4 мая 1852 года Шевырев, имея в виду уже обнаруженные бумаги, *post factum* еще раз объяснил ему причины, вынудившие и Капниста, и Толстого устроить дело «как можно тише», не привлекая к нему ни Аксаковых, ни Погодина, ни Хомякова: «Граф Толстой, которого я спрашивал, думает, что лучше ничего не печатать о том, что найдено в бумагах. Он боится, чтобы через печатное оглашение не потребовали их в Петербург». ²²

Упомянула о найденных рукописях второго тома и В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской, датированном весной (между 5 и 11 мая) 1852 года: «На днях получил от Шевырева отесенька письмо, в котором он нам сообщает дорогие для нас вести. Они произвели разбор бумагам Гоголя и нашли между другими бумагами, свидетельствующими о его непрерывных и неутомимых трудах всякого рода, 5 черновых глав Мер<твых> Душ и истолкование Литургии...». ²³

Некоторый свет на противоречивость показаний — отсутствие каких бы то ни было рукописей Гоголя как после его кончины, так и после снятия с его комнаты печати, а затем неожиданное их обнаружение — проливает письмо А. П. Толстого его сестре С. П. Апраксиной, предположительно от 1–2 мая из Москвы, из которого следует, что обнаруженные рукописи второго тома «Мертвых душ» некоторое время оставались в его руках: «Со времени кончины Г. и моей болезни никого не вижу. — Я был и остаюсь до сих пор занят печальной обязанностью, которую она на меня возложила. Даже сегодня и в этот самый момент у меня находятся гр. Капнист и Шевырев, вчера мы взломали печати,

¹⁷ Там же. С. 964–965.

¹⁸ «Опись, <...> учиненная имуществу, оставшемуся после умершего коллежского асессора Николая Васильевича Гоголя» (см.: Там же. С. 963–964).

¹⁹ *Паламарчук П. Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя. С. 486.

²⁰ РНБ. Ф. 384. Ед. хр. 20. Л. 12 об.; опубл. в извлечениях: *Балакшина Ю. В.* Была ли услышана «чистосердечная повесть» Н. В. Гоголя? История распространения «Авторской исповеди» в списках (К постановке проблемы) // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 161.

²¹ *Аксаков И. С.* Письма к родным. С. 242.

²² Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 114. Ср. письмо С. Т. Аксакова от 5 мая 1852 года (Абрамцево) в ответ на несохранившееся письмо Шевырева: «От всей души благодарю вас, почтеннейший Степан Петрович, за письмо ваше и за извещение о бумагах покойного, незабвенного друга нашего. <...> Хотя я предполагал, что открытие и разбор бумаг будут произведены в присутствии Погодина, вас, меня и Хомякова, но сыновья объяснили мне причину, по которой все было сделано именно таким образом. Впрочем, я вполне признаю, что одного вашего присутствия для этого было достаточно, ибо уверен, что вы не допустили никого читать частную переписку Гоголя» (*Аксаков С. Т.* Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 438–439; то же в сокращении с уточненной датировкой: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 619).

²³ Там же. С. 885.

чтобы осмотреть то, что осталось из его бумаг: Это тягостное и утомительное занятие, которое продлится еще несколько дней. — Мы обнаружили вновь несколько тетрадей, избежавших уничтожения, но все это неполно, исчеркано, разорвано и потребуются терпение Шевырева, чтобы его использовать».²⁴

Дополнительное объяснение нечаянной находке рукописей, не согласующейся ни с полицейским протоколом от 21 февраля в момент опечатывания комнаты Гоголя, ни с актом об описи имущества от 30 апреля, когда со шкафа и шифоньерки Гоголя была снята печать, дают воспоминания Д. А. Оболенского, согласно которым вскоре после похорон Гоголя «все находившиеся в квартире его бумаги, все до последнего листка, были переданы графом А. П. Толстым С. П. Шевыреву».²⁵ Воспоминания эти, правда, отчасти противоречат выше процитированному письму Толстого, из которого следовало, что уже после снятия печати некоторое время гоголевские рукописи он держал у себя, поначалу не слишком доверяя Шевыреву, и лишь затем их ему передал (ср.: «Я не знаю достаточно Шевырева, чтобы доверить ему без меня это дело и оставить его одного хозяином этих бумаг, тем паче что я нахожу и извлекая мои письма ко мне и также Ваши, мой дорогой друг. <...> Когда все будет приведено в порядок, мы отошлем все матери покойного, а перед этим я помещу бумаги, которые будут мною запечатаны, у Капниста, который проявляет истинный интерес ко всей семье»)²⁶.

Еще одну версию судьбы рукописей «Мертвых душ» дает письмо И. С. Аксакова неустановленному лицу от второй половины июня 1852 года: в нем появляется информация о том, что в отличие от всех других бумаг главы «Мертвых душ» были найдены не в портфеле, но случайно «завалившимися в шкаф»: «Действительно найдены самые черновые рукописи 4-х первых глав 2-го тома, да еще какой-то главы, никому не читанной. Шевырев их сам разбирает и переписывает, найдены еще *объяснения обедни, рукопись* — вроде его собственной биографии как писателя <...> полный рукописный экземпляр переписки с друзьями, со всеми ненапечатанными письмами и лоскуток бумаги, содержащий в себе замечательные слова, писанные слабою рукою, вероятно, после сожжения М. душ. Вот они: „Будьте живые, а не мертвые души! Единая дверь в небесное царствие — Иисус Христос! Всяк, прелазяй инуду тать есть и разбойник!..“ Вероятно, ему думалось в эту минуту, что исцеления спасения подвигом писателя, а не прямо молитвой и постом — значит прелазить инуду. Объяснение обедни, завещание, слово к друзьям, этот лоскуток — кажется, найдены в портфеле; очевидно, что он сохранил их с намерением, но главы из М<ертвых> душ нашлись завалившимися в шкаф с книгами. При распечатании бумаг были Капнист, Толстой и Шевырев; разбор взял на себя Шевырев, который исполняет это дело добросовестно».²⁷

О том, что «три неполные черновые главы» второго тома «Мертвых душ» были брошены Гоголем в шкаф с платьем после переписки набело и «позабыты; некоторые листы потеряны», сообщал также П. А. Кулиш в письме к А. М. Кулиш от 6 ноября 1852 года.²⁸ Ту же версию подтверждает и позднейшее письмо

²⁴ Оpubл.: *Паламарчук П. Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя. С. 488–489; ср. выдвинутую С. Н. Дурылиным версию, согласно которой «писанные тетради» Гоголя с фрагментами продолжения поэмы «чья-то дружеская рука, заранее, тотчас после кончины Гоголя, изъехала <...> из его комнаты для того, чтобы вернее сохранить для его семьи и для потомства» (*Дурылин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя. С. 365–366).

²⁵ *Оболенский Д.* О первом издании посмертных сочинений Гоголя: Воспоминания // Русская старина. 1873. Т. 8. Вып. 12. С. 948.

²⁶ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 724.

²⁷ Впервые опубликовано: *Манн Ю. В.* В поисках живой души: «Мертвые души». М., 1984. С. 354–355.

²⁸ *Кулиш П.* Повне зібрання творів. Київ, 2009. Т. II. С. 48.

М. И. Гоголь к О. С. Аксаковой от 24 апреля 1855 года: «Тяжело мне было читать продолжение „Мертвых душ“ из найденных вчерне в его шкапу».²⁹

Также и о составе новонайденных частей второго тома «Мертвых душ», несмотря на их «физическое обнаружение», ходили противоречивые слухи: называлось от трех до пяти уцелевших глав (о трех неполных черновых главах второго тома писал, как уже было сказано, Кулиш,³⁰ о четырех — И. С. Аксаков). А в «Списке бумаг, оставшихся после покойного Гоголя», позднее составленном Шевыревым, речь шла уже о пяти найденных главах: «Черновые тетради 2-го тома „Мертвых Душ“: 1-я глава от 1-й до 35 страницы, 2-я глава от 37 до 48-й страницы, 3-я глава от 47 страницы по 75-ю, 4-я глава от 77 по 99-ю. Еще глава, не обозначенная номером».³¹

Дальнейшие события, связанные со вторым томом, достаточно известны. Перебеливанием пяти найденных глав, в которых было обнаружено на самом деле два слоя (нижний, квазибеловой, и верхний, возникший из переработки нижнего перебеленного слоя), занялся Шевырев. В 1855 году вычлененный им из рукописи верхний слой (а на самом деле контаминация верхнего и нижнего слоя) будет издана племянником Гоголя Н. Трушковским в томе посмертных сочинений Гоголя.³² Год спустя еще одну попытку расслоения рукописи предпримет при его помощи Кулиш,³³ и в «Сочинениях» Гоголя 1857 года второй том предстанет уже в двух версиях (редакциях): нижней (более ранней) и верхней (позднейшей).

Но еще до выхода в свет второго тома «Мертвых душ» в Москве и Петербурге начинают циркулировать рукописные копии, которые, как утверждал князь Оболенский, «вышли из рук Шевырева», будучи сделаны по просьбе великого князя Константина Николаевича, желавшего способствовать публикации неизданных текстов Гоголя.³⁴

Появление списков, каждый из которых восходил к сохранившимся главам второго тома, но вместе с тем имел некоторые отличия, объясняемые вольной или невольной модификацией исходного текста переписчиком, в свою очередь породило немало домыслов. У читателей (или обладателей) списков (справедливо это и по сей день) нередко возникал соблазн увидеть в той или иной копии новонайденную редакцию второго тома. Этому способствовало и таинственное исчезновение двух собственно шевыревских списков: так называемого московского, с которого текст второго тома печатался в издании Трушковского, и петербургского, сделанного Шевыревым лично для великого князя. В дальнейшем это породило ряд мистификаций, из которых наибольшую известность получила история новонайденных глав второго тома Ястржембским.³⁵

²⁹ См.: Из переписки С. Шевырева с О. В. и М. И. Гоголь // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца / Под ред. Н. П. Дашкевича. Киев, 1902. С. 61.

³⁰ Кулиш П. Повне зібрання творів. Т. II. С. 48; то же как письмо неустановленного лица см.: Лит. наследство. Т. 58. С. 768.

³¹ Опубл.: [Линиченко И. А.]. Новые материалы для библиографии Н. В. Гоголя // Русская мысль. 1896. Кн. 5. С. 180.

³² Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). М., 1855 (Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти).

³³ Гоголь Н. В. Соч. и письма: В 6 т. / Изд. П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 4. Мертвые души.

³⁴ См.: Балакшина Ю. В. «Для пользы русской словесности...»: К истории посмертной публикации произведений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 168; см. также: К истории посмертных публикаций Н. В. Гоголя: Из переписки современников / Вступ. заметка, подг. текста и комм. Ю. В. Балакшиной // Русская литература. 2011. № 2. С. 161.

³⁵ См.: Дмитриева Е. Е., Шолохова А. С. Новые отрывки и варианты второго тома «Мертвых душ» // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2019. Вып. 4. К юбилею главного ре-

Как бы то ни было, современникам Гоголя, и в особенности тем, кто слышал еще при его жизни чтение им глав второго тома, было очевидно, что содержание написанного Гоголем незадолго до смерти и затем сожженного явно превосходило сохранившуюся редакцию не только по объему (по одной версии — семь глав, по другой — симметрично первому тому — одиннадцать), но и по сюжетным линиям, о которых уцелевшая часть представления не дает. Первая возможная реконструкция содержания несохранившихся глав и частей второго тома была сделана еще Шевыревым (в самом тексте поэмы) и Трушковским (в предисловии к тому). «...портрет Улиньки, — писал Трушковский, — только набросан (говорят, что очерк ее был удивительный), самые слова даже не дописаны; может быть из этого именно очерка предстала бы потом, как сам автор обещал в 1-й части своей поэмы, та „чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире...“ <...> Вторая глава прервана в самом интересном месте, когда следует примирение генерала с Тентетниковым и разговор их о 1812 году; да и в самом разговоре генерала с Чичиковым, по рассказам слышавших чтение самого автора, недостает многого».³⁶ По поводу «пятой главы» (главы заключительной <?>) Трушковский сообщал, «что автор предполагал ее совсем переделать...».³⁷ Дополняли эту реконструкцию второго тома внесенные Шевыревым конъектуры, излагавшие содержание утраченных фрагментов. После слов «И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям», которыми заканчивалась глава II, в скобках следовало примечание: «Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о двенадцатом году; помолвка Улиньки за Тентетникова, молитва ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о помолвке дочери и едет к одному из этих родственников полковнику Кашкареву».³⁸ К словам главы III «Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться?...» было сделано примечание: «Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупкою имение соседа его, помещика Хлобуева».³⁹ После фразы из главы IV «Но мне совестно, что вам придется говорить с таким человеком...» добавлено еще одно примечание: «Здесь пропуск, в котором, вероятно, содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Леницыну».⁴⁰

К конъектурам, которые встречаются в печатном издании Трушковского, можно добавить еще дополнение в конце главы IV, которое удалось обнаружить в одном из списков второго тома: «Здесь пропуск. Чичиков улаживает дело между Леницыным и Платоновым, потом идет к Хонжаревой старухе и составляет фальшивое завещание».⁴¹

Содержание сожженных глав поэмы, читанных в июле 1849 года в калужской гостиной А. О. Смирновой, достаточно подробно пересказал чиновник при калужском губернаторе (Н. М. Смирнове) Л. И. Арнольди, который сам присутствовал на чтении двух глав, а также знал о содержании остальных со слов своей сводной сестры (А. О. Смирновой). Сравнив главу I, вышедшую в свет после смерти Гоголя, с той, что он слышал в чтении Гоголя, Арнольди

доктора Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя Юрия Владимировича Манна. С. 369–377.

³⁶ Похождения Чичикова, или Мертвые души. С. VIII–IX.

³⁷ Там же. С. X.

³⁸ Там же. С. 73.

³⁹ Там же. С. 123.

⁴⁰ Там же. С. 168.

⁴¹ См.: РГБ. Ф. 65. Карт. 7. Ед. хр. 2. Л. 40 об.

отметил, что слышанная им «начиналась иначе и вообще была лучше обработана». ⁴² О том, что уничтоженная Гоголем в составе всей рукописи глава I, наиболее тщательно им отредактированная, имела другое начало, имелись и свидетельства Смирновой в передаче Кулиша: «Читатель помнит торжественный тон окончания первого тома. В таком тоне начинался, по ее словам, и второй. Слушатель строк с первых (так! — Е. Д.) был поставлен в виду обширной картины, соответствовавшей словам: „Русь! куда несешься ты? дай ответ!“ и проч.; потом эта картина суживалась, суживалась и наконец входила в рамки деревни Тентетникова». ⁴³

Вторую главу, «в которой описан весь день в генеральском доме», Арнольди излагал следующим образом: «Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Улиньки, ⁴⁴ еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Хситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом; Улинька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, беспрерывно повторял: „Полюби нас беленькими...“. „Черненькими, ваше превосходительство“, — перебивал его Чичиков. „Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас сам Господь Бог полюбит“. Через пять минут он опять ошибался и начинал опять: „Полюби нас беленькими“, и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: „Полюби нас черненькими, а беленькими нас сам Господь Бог полюбит“. После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Улинька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Все это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Улиньку, радуется предлогу и говорит, что если все это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условились ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его,

⁴² Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 1. С. 74–75.

⁴³ [Кулиш П. А.]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856. Т. 2. С. 226–227.

⁴⁴ Здесь и далее имя героини дается в написании Гоголя.

ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Улинькой и наконец обед».⁴⁵

Описание этого обеда, по мнению Арнольди, «было лучшее место второго тома».⁴⁶ «Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Улинька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Улинькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников — тем, что почти против него сидела Улинька, с которою он по временам встречался взглядами; Улинька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними, и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. <...> После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны: важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек в защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое состояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Улинька? Она вся впиалась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностию каждое его слово, она, как музикою, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание. „Да, — сказал он, — страшные холода были в 12-м году“. — „Не о холодах тут речь“, — заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Улиньки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех».

В следующей главе, по воспоминанию Арнольди, «Улинька решила говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастья, оставил

⁴⁵ Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем. С. 75–76; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 384–385.

⁴⁶ Там же. С. 385.

на минуту Улиньку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило!.. Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. — В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников — в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые, и наконец все то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый!»⁴⁷

«Я живо помню, — продолжал Арнольди, — что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание. Гоголь читал превосходно! В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросается к нему на шею и благодарит его. „Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого...“. У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: „Я ничего для вас не сделал; это случай, — отвечал он, — я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!“ — „Чем, чем? — повторил Тентетников. — Скажите скорее, и я все сделаю“. Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде и о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь 300 душ. „Да за чем же непременно мертвых“, — говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего, собственно, добивается Чичиков. „Я вам на бумаге отдам все мои триста душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую“. Чичиков остолбенел от удивления! „Как, вы не боитесь сделать это?.. вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?“ Но Тентетников не дал ему кончить. „Как? — воскликнул он, — сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнью!“ Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или чрез кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюзюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Улиньки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души».⁴⁸

Версия Арнольди второй главы подтверждается и словами Смирновой в записи Кулиша, вспоминавшей о «пленном французском капитане Эскадроне», «гувернантке-англичанке», в сохранившейся рукописи отсутствующих, а также об эпизоде игры в шахматы: «В нем очень многого недостает даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о черненьких и беленьких рассказывается генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева».⁴⁹

Смирнова, излагая впоследствии Кулишу содержание читанных ей Гоголем глав второго тома «Мертвых душ», вспомнила еще и о других эпизодах,

⁴⁷ Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем. С. 77–78; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 385–386.

⁴⁸ Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем. С. 78–79; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 386–387.

⁴⁹ [Кулиш П. А.]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... Т. 2. С. 226; ср. позднейшее суждение В. И. Шенрока: «...если бы нашлись страницы, заключающие в себе, по свидетельству современников, превосходное описание сада Тентетникова, встречи Платонова с эмансипированной Чагриновой (так! — Е. Д.), португальца Экспантона, то это было бы великое приобретение, которое многое осветило бы в жизни и творчестве Гоголя за последние годы...» (Шенрок В. И. К истории текста «Мертвых душ». Оттиск из журнала «Киевская старина». Киев, 1902. С. 16).

отсутствовавших в опубликованном в 1855 году тексте. К таким эпизодам относились «описание деревни Вороного-Дрянного» (сам персонаж присутствует в нижнем и в верхнем слоях главы заключительной <?> уцелевшей рукописи), «из которой Чичиков переезжает» к Скудронжогло (Костанжогло); описание имения Че(а)гранова, управляемого «молодым человеком, недавно выпущенным из университета», вспыхивающая здесь любовь Платонова, «ко всему равнодушного» спутника Чичикова, который, однако, «заглядывается на портрет, а потом они встречаются, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как и из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды».⁵⁰

Арнольди со слов Смирновой добавил впоследствии некоторые подробности, относящиеся к эпизоду у Чаграновых: «Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проводившая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и чрез месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступают с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать, в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас, потому что мы все остаемся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры; и действительно везде, где они являлись в его произведениях, они выходили слабы и бледны. Это было замечено даже всеми критиками».⁵¹

В «Воспоминаниях о Н. В. Гоголе» Смирнова упоминает (в одном ряду с «Тентетниковым, Костанжогло, Вороново-Дрянново, Петухом») еще и «какого-то помещика, у которого было все на министерскую ногу, в чем он убивал драгоценное время для посева, жнитвы и косьбы, и все писал об агрокультуре».⁵²

В сожженных главах второго тома получала развитие также и линия Тентетникова и Улиньки. Как рассказывал Оболенский со слов Шевырева, «в то время когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Улиньки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением. Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит

⁵⁰ [Кулиш П. А.]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... Т. 2. С. 226–227. С большими подробностями, чем в пересказе Кулишу, Смирнова в дневнике описала и сцену в деревне Чаграновых, «где Платонов влюбился в портрет во весь рост» светской «петербургской львицы» и где был устроен обед с роскошной сервировкой: «Стол был покрыт: хрусталь, серебро, фарфор саксонский <...> Сцена так была трагически жива, что дух занимало» (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 66 (сер. «Литературные памятники»)).

⁵¹ Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем. С. 80; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 387.

⁵² Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 66.

им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Улинька следует за Тентетниковым в Сибирь, — там они венчаются и проч.»⁵³

С «политическим» развитием сюжетной линии Тентетникова, арестованного и сосланного в Сибирь, соотносилось появление еще одного персонажа — штабс-капитана Ильина, которого упоминал и Шевырев под впечатлением прочитанных Гоголем двух новых глав поэмы (V и VI).⁵⁴

В последних главах должен был фигурировать и священник — новое лицо, задуманное Гоголем после его знакомства в 1846 году с ржевским протоиереем М. А. Константиновским (о. Матфеем (Ржевским)).⁵⁵ О том, как он был описан у Гоголя, имеются (в изложении Ф. Образцова) свидетельства самого Константиновского, видевшегося с Гоголем в начале 1852 года: «одной или двух тетрадах был описан священник», чем-то напомнивший ему его самого: «Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить».⁵⁶

Том третий

О том, как мыслилось продолжение первого тома поэмы, мы имеем еще одну версию — А. М. Бухарева (Феодора (Бухарева), архимандрита), восходящую к его разговору с Гоголем. На его вопрос, «чем именно должна кончиться эта поэма» и «оживет ли, как следует, Павел Иванович?», Гоголь «как будто с радостью подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма». «А прочие спутники Чичикова в „Мертвых душах“? — спросил я Гоголя, — и они тоже воскреснут? — „Если захотят“, — ответил он с улыбкою; и потом стал говорить, как необходимо далее привести ему своих героев в столкновение с истинно хорошими людьми и проч. и проч.»⁵⁷

Примечательность данного свидетельства в том, что сохранившиеся главы второго тома не содержали в себе ничего, что могло бы говорить о подобной линии развития поэмы, поскольку во втором томе Чичиков предстал даже в еще большей степени плутом и мошенником, чем в первом. А потому и очевидно, что, в отличие от приведенных выше воспоминаний, сообщенный Бухаревым диалог относился не столько ко второму тому, сколько к его дальнейшему гипотетическому продолжению. Иначе говоря, к тому третьему.

Собственно, сам Гоголь уже на ранних стадиях работы над «Мертвыми душами» держал в уме перспективу трехчастного строения своей поэмы. Первое, весьма туманное тому подтверждение мы находим в его письме Жуковскому от 12 ноября 1836 года: «Огромно велико мое творение и не скоро конец его...» (11, 75). Более конкретно о многотомном замысле поэмы Гоголь почти в то же время пишет в письме Погодину от 28 ноября 1836 года: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго

⁵³ Оболенский Д. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. С. 952–953; то же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 693.

⁵⁴ Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Приложение. С. 68.

⁵⁵ Манн Ю. В. В поисках живой души. 2-е изд. С. 236.

⁵⁶ Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (14 апреля 1857 г.) по моим воспоминаниям // Тверские епархиальные ведомости. 1902. 1 марта. № 5. Часть неофициальная. С. 138–139.

⁵⁷ Бухарев А. М. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861. С. 138.

еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов...» (11, 77).

О возможности продолжения поэмы в трехчастной форме Гоголь косвенно упомянет в письме Плетневу от 6 февраля 1842 года, говоря о тех изменениях, которые предполагает внести в текст первого тома: «...когда сравню сию первую часть с теми (курсив мой. — Е. Д.), которые имеются быть впереди...» (12, 33).

Впрочем, когда Погодин в 1841 году анонсировал скорое завершение работы над тремя томами («Гоголь написал уже два тома своего романа „Мертвые души“. Вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году»,⁵⁸ — анонс, который, возможно, базировался на некоторых (весьма туманных) высказываниях самого автора), то Гоголь гневно опроверг эти сведения в позднейшем письме к Шевыреву от 16 (28) февраля 1843 года, усмотрев в его нетерпении увидеть второй том напечатанным воздействие погодинской дезинформации: «Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в „Москвитянине“ объявления, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в „Москвитянине“ извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и все сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть» (12, 143).

Вместе с тем намеки на то, что первый том должен иметь продолжение в виде не только второго, но и третьего тома, а также прямые высказывания на этот счет мы находим уже в тексте первой части. Конечно, большинство из них носят неопределенный характер и не позволяют еще точно судить о количестве задуманных томов (ср. лирическое вступление к главе VII: «И долго еще определено мне чудной властью идти руку с моими странными героями <...> И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенная подыметса из облеченной в святой ужас и в блистанье главы, и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»;⁵⁹ а также авторские признания в 11-й главе в редакции весны–лета–осени 1841 года: «...может быть в сей же самой повести почуются иные, еще доселе не бранные струны»; «как двинутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт...»⁶⁰). Но в одиннадцатой главе первого тома поэмы мы имеем и конкретное указание на последующие две части поэмы: «...две большие части впереди — это не безделица».⁶¹

Были ли то намеки самого Гоголя в первом томе «Мертвых душ» и в его частной переписке на характер продолжения поэмы или еще какие-то неизвестные нам свидетельства, но во всяком случае очевидно, что не только второй том «Мертвых душ», о работе над которым все же имелись достоверные сведения, но также и гипотетический третий том поэмы стал предметом обсуждения современников и тем самым фактом литературной жизни.

По выходе первого тома М. Г. Карташевская вопрошает С. Т. Аксакова: «Еще скажи мне, написаны ли уже другие две части „Мертвых душ« и скоро ли мы можем надеяться прочитать их? Что будет в них, как выше всякого выражения будет то удовольствие, которое обещает он нам! Как велики должны быть наши надежды, когда он сам объявляет, что *явятся чудные образы и все повернется в прах*».⁶² А 3 июля 1842 года Аксаков задает тот же

⁵⁸ Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. Отд. «Литературные новости». С. 616.

⁵⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. Кн. 1. С. 127. См. также: Там же. Кн. 2. С. 462–463.

⁶⁰ Там же. Кн. 1. С. 210, 227; Кн. 2. С. 280–281, 464.

⁶¹ Там же. Т. 7. Кн. 1. С. 231.

⁶² Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Изд. подг. Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М., 1960. С. 79–80 (письмо от 6 июня 1842 года).

вопрос уже непосредственно Гоголю: «Прочту ли я остальные части „Чичикова“? Доживу ли я до этого счастья?»⁶³ Полгода спустя уже в утвердительной форме он возлагает все надежды на третий том: «...ведь мы не знаем, такое ли содержание второго тома, чтоб зажать рот врагам вашим? Может быть, полная казнь их заключается в третьем томе?»⁶⁴

После знакомства с сохранившимися главами второго тома «Мертвых душ» высказывалось также мнение, что главы третьего тома были начаты Гоголем еще при жизни и что найденная последняя глава, традиционно именуемая то пятой, то заключительной, могла относиться именно к третьему тому.

В дальнейшей рецептивной истории «Мертвых душ» представление о первоначальном трехчастном замысле поэмы получило право гражданства в основном благодаря эффектному сопоставлению замысла гоголевской поэмы с архитектурой «Божественной поэмы» Данте. Соположение это, документально никак не подкрепляемое (о подобном замысле ни сам Гоголь, ни его друзья никак не вспоминали), впервые появилось у П. А. Вяземского в негативной модальности только в 1866 году.⁶⁵ Впоследствии это сравнение уже в положительном смысле подхватили А. Н. Веселовский,⁶⁶ С. К. Шамбинаго, Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Бытует оно в истолковании поэтики «Мертвых душ» и в наши дни.⁶⁷

Просветление versus преобразование

Как бы то ни было, для нас важно то, что мысль об ожидавшем в дальнейшем гоголевских героев «просветлении», о преобразении душ человеческих и наступлении Царства Божьего, о чем сохранившийся текст второго тома давал пока еще слабое представление,⁶⁸ связывалась именно с томом третьим,

⁶³ Там же. С. 74.

⁶⁴ Там же. С. 97 (письмо от 8 февраля 1843 года).

⁶⁵ В заметке, вызванной публикацией гоголевского письма к нему от 30 мая (11 июня) 1847 года, Вяземский писал: «О попытках его, оставленных нам в недоконченных посмертных главах романа, положительно судить нельзя; но едва ли успел бы он без крутого поворота и последовательно выдти на светлую дорогу и, подобно Данту, довершить свою *Divina Comedia* Чистилищем и Раем» (Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива: Письма к кн. П. А. Вяземскому // Русский архив. 1866. № 7. Стб. 1082). См. подробнее: Дмитриева Е. Е. «Божественная комедия» Данте как прообраз трехчастной композиции «Мертвых душ». Или?.. // *Ad virum illustrem*. К 70-летию Михаила Леонидовича Андреева: Коллективная монография. М., 2021. С. 490–510.

⁶⁶ Намек на «славословия» дантовского рая Веселовский увидел в письме Жуковскому, где Гоголь просил помолиться, чтобы «хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной» (14, 269; письмо от 2 февраля 1852 года): «Как многотрудное странствие великого тосканца приводит его к созерцанию божественных сил <...> так странствие болеющего о людях обличителя по русской земле, бесчисленные картины пороков и низостей, сменяющихся затем борьбой добра со злом, должны были разрешиться торжеством света, правды и красоты» (Веселовский А. Н. «Мертвые души»: Глава из этюда о Гоголе // Веселовский А. Н. Этюды и характеристики. М., 1894. С. 604–605). И далее, исходя из данного тезиса, Веселовский предлагал уже целую программу того, что должно было случиться в третьем томе.

⁶⁷ Гипотеза о том, что свой план «поэмы» Гоголь строил «по Данте», была опровергнута почти одновременно В. В. Зеньковским и В. В. Гишпиусом (см.: Гишпиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисловие, сост. Л. Аллена. СПб., 1994 (сер. «Судьбы. Оценки. Воспоминания»)). Однако приблизительно с 1960-х годов теория эта вновь получила широкое распространение в критике, превращаясь порой в почти недоказуемую аксиому (см.: Тмарченко Д. Е. Из истории русского классического романа. М.; Л., 1961. С. 158; Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. М., 1966. Т. 2. С. 147; Перлина Н. Средневековые видения и «Божественная комедия» как эстетическая парадигма «Мертвых душ» // Гоголь как явление мировой литературы. М., 2003. С. 286–296 и др.).

⁶⁸ О намерении «выставить наружу все здоровое и крепкое в нашей природе» в последующих частях Гоголь говорил также и в своем деловом письме 10–18 июля 1850 года, адресованном предположительно или Л. А. Перовскому, или П. А. Ширинскому-Шихматову, или А. Ф. Орло-

условным дантевым Раем, куда из первого и второго томов, по всей видимости, должны были попасть Чичиков, Плюшкин, Тентетников, Улинька и Хлобуев. Вспомним уже процитированные выше строки о том, что «первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма», а «прочие спутники Чичикова» воскреснут, «если захотят».⁶⁹ А также слова самого Гоголя в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844): «О, если б ты мог сказать ему (читателю. — Е. Д.) то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома „Мертв<ых> душ“!» (8, 280).⁷⁰

В этой связи нельзя не обратить внимание на еще одно загадочное обстоятельство: местом действия третьего тома, по всей вероятности, должна была стать Сибирь. В Сибирь должен был быть сослан разоблаченный в своих преступлениях Чичиков (предположение Бухарева и И. С. Аксакова), в сожженных главах второго тома упоминалось, что в Сибирь ссылают Тентетникова, и вслед за ним туда должна была отправиться Улинька (рассказ Дмитрия Оболенского). В заключительной главе II тома в дальнее странствие «по городам и деревням», на «богоугодное дело» сбора денег для церкви собирается Хлобуев, путь которого, вполне возможно, лежал в Сибирь.⁷¹ Так и Плюшкина-бессребреника, по версии Ю. В. Манна, «путь скитальца, странника с нищенским посохом мог <...> привести в края Сибири».⁷²

В пользу гипотезы о том, что Гоголь намеревался в третьем томе перенести действие в Сибирь, свидетельствует и внимание Гоголя в последние месяцы жизни к сибирскому материалу, пришедшее на смену его интересу к средневропейской полосе. Возвращая Шевыреву книгу И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири в 1733–1743 гг.» и испрашивая у него же пять томов «Путешествия по разным провинциям Российского государства...» П. С. Палласа (СПб., 1773–1778), Гоголь поясняет: «Мне нужно побольше прочесть о Сибири и северо-восточной России» (14, 264–265). О связи гоголевского увлечения Сибирью с работой над продолжением «Мертвых душ» напишет И. С. Аксаков, упомянув в письме к Данилевскому, что Чичиков «вероятно, попадет за новые проделки в ссылку в Сибирь, так как Гоголь у нас и у Шевырева взял много книг с атласами и чертежами Сибири. С весны он затевает большое путешествие по России; хочет на многое взглянуть самолично, собственными глазами, назвучаться русскими звуками, русскою речью и затем уже снова выступить на литературной сцене, с своими новыми образами».⁷³

Причин, заставивших Гоголя перенести действие третьего тома из средневропейской полосы в Сибирь, — множество. К тому же в 1840-е — начале

ву, прося материального «вспомоществования» у «государя наследника» (вел. кн. Александра Николаевича): «Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображению и осмотрительности <...> теперь, когда дело идет к тому, чтобы выставить наружу все здоровое и крепкое в нашей природе <...>, с таким делом нельзя торопиться» (14, 279).

⁶⁹ Бухарев А. М. Три письма к Н. В. Гоголю... С. 138–139.

⁷⁰ На этом высказывании, в частности, держалась впоследствии версия Алексея Веселовского, поддержанная Гиппиусом, согласно которой также и Плюшкин должен был превратиться в бессребреника, раздающего имущество нищим.

⁷¹ Манн Ю. В. В поисках живой души. 2-е изд. С. 267.

⁷² Там же. С. 267–268. О том, что Сибири в трехчастной структуре «Мертвых душ» Гоголем была уготована «роль мифологического момента „смерть — нисхождение в ад“», за которым следует воскресение и перерождение, см.: Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 339; Кривонос В. Ш. Символика места во втором томе «Мертвых душ» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2009. Т. 68. № 2. С. 35.

⁷³ Цит. по: Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний) // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 304 (впервые: Исторический вестник. 1886. Т. 26. № 12).

1850-х годов Сибирь вообще находилась в поле пристального внимания и российской политики, и геополитики, но также и литературы.⁷⁴ Сложнее объяснить причину того, почему Сибирь, в русской культуре имеющую определенные и всем нам хорошо известные коннотации испытания холодом и изгнанием, Гоголь решает превратить в христианскую землю обетованную.

Обратим в этой связи внимание на одно обстоятельство. В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» Муразов говорит Хлобуеву: «Так как вы отправитесь по тем местам, где я еще не был, так вы узнаете-с на месте все: как там живут мужички, где побогаче, где терпят нужду и в каком состоянии все. Раскольники там и всякие-с бродяги смущают их, восстанавливают их против властей и порядков, а если человек притеснен, так он легко восстает».⁷⁵

Казалось бы, Муразов, советуя Хлобуеву предпринять путешествие в дальние края, придерживается в своих оценках скорее официальной политики (вспомним, что после почти векового достаточно лояльного отношения властей к старообрядцам, начавшегося с эпохи Петра I, в особенности 1840-е годы были ознаменованы репрессиями, экспроприацией земельных владений староверов и проч.). Запись Гоголя в записной книжке 1841–1844 годов (раздел «Взятки губернатора»), во многом проясняющая смысл слов Муразова, также не отличается терпимостью к старообрядцам-раскольникам: «Следствия рождаются о скрיתии священников беглых, об обращении в раскол православных. Они виновны в скрיתии беглых людей, которых принимают с желанием обратить их; о постройке новых церквей или поновлении, которые раскольникам запрещены, часовен и молитвен<ных> домов» (7, 354).

И все же упоминание староверов во втором томе, как представляется, вовсе не случайно. В русской традиции прецедентом поиска «счастливых земель» именно в Сибири, равно как и помещения в сибирское пространство «нового Иерусалима» и новой земли обетованной, был народный утопизм русских староверов, которые, с одной стороны, сами составляли большую часть населения Сибири, а с другой, именно в Сибири искали свою землю обетованную. Особую роль в этом утопическом освоении Сибири сыграли так называемые бегуны (или «странники», одно из беспоповских ответвлений старообрядчества), верившие в то, что второе пришествие произойдет на побережье Каспийского моря. В среде бегунов имели хождения и своеобразные путеводители («путешественники») с маршрутами, ведущими в края как реальные, так и воображаемые. Одним из таких мест было Беловодье, легенда о котором распространялась с начала XIX века также и в среде русских крестьян. В описаниях, которые «путешественники» давали этому мифическому месту, Беловодье находилось на краю земли, за высокими горами, на берегу моря или на острове. Но порой маршруты вели и в конкретные края: в долины Алтая, на Курилы и в Японию (легендарное «Опоньское царство»)⁷⁶.

На самом деле в доктрине старообрядцев было много того, что отвечало пафосу второй, а также и гипотетической третьей части «Мертвых душ». Сре-

⁷⁴ См., в частности: Kluge R.-D. Sollte Tchitschikow nach Sibirien verbannt warden? Mutmassungen über Fortsetzung und Schluss von N. V. Gogol's «Toten Seelen» // Tübinger geographische Studien. Festschrift für A. Karger. 1989. N. 102. S. 447–451; Клюге Р. Д. Должен ли Чичиков быть сосланным в Сибирь? Предположение о продолжении и конце «Мертвых душ» // Известия Сибирского отделения Российской академии наук. История, философия и филология. Новосибирск, 1993. Вып. 1. С. 63–65; Дмитриева Е. Е. «Мне нужно побольше прочесть о Сибири»: русский Запад versus российский Восток в мифопоэтике Гоголя // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы IV Междунар. науч. конф. / Под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск, 2014. С. 134–144.

⁷⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. С. 106.

⁷⁶ Подробнее см.: Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб., 2011. С. 267–268; Шахов М. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002.

ди прочего — почитание труда как главной добродетели, которое оказалось определяющим, в частности, для купцов и промышленников-староверов, сыгравших важную роль в развитии капитализма в России. Другим «странным сближением» позднего Гоголя с старообрядческой идеологией можно было бы назвать пассаистскую («интегрристскую») утопию, сформировавшуюся у староверов в ответ на попрание традиции и чужеземное влияние. Не случайно так усиливается уже во второй части «Мертвых душ» у Гоголя накал антифранцузских и антиевропейских инвектив. К тому же в учении бегунов мы имеем дело с одним из проявлений анархического утопизма, отрицающего государство. Но что для нас важнее, так это то, что бегуны Царство Антихристово связывали даже не столько с деятельностью Никона, сколько с первыми ревизиями податных душ и всеобщей переписью податного населения.

Именно в этой точке замысел поэмы «Мертвые души» неожиданно смыкается с доктриной бегунов. Вспомним, что уже в первом томе поэмы разоблаченный за скупку «мертвых душ» Чичиков объявлен обществом антихристом. Во втором томе слух о народившемся антихристе, скупающем мертвые души, приписывается уже непосредственно раскольникам: «В другой части губернии <и> расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ним <и>, > что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие мертвые души. Каялись и грешили, и под видом изловить антихриста укокошили не антихристов».⁷⁷

В этом смысле можно сказать, что роль Чичикова здесь двойственна. По внешнему абрису он, скупая души, воспользовавшись законами, государством в отношении податных душ установленными, примеряет на себя маску антихриста. И именно она закрепляется за ним в массовом сознании.

Но одновременно этим своим эпатажирующим, глумливым в отношении традиции ревизийской сказки жестом он же вскрывает абсурд ревизии как таковой. А его амплуа бродяги-пикаро, нигде не находящего себе пристанища, делает его родственным сектантам-бегунам.⁷⁸

Те смыслы, которые у Гоголя были намечены, но, кажется, не вполне отрефлексируются, оказались в центре внимания последней по времени «мистификации» — продолжения на тему «Мертвых душ» — одной из тех, которые гоголевская поэма не перестает вызывать на протяжении почти двух столетий и в которых сибирская тема оказывается поразительно устойчивой.⁷⁹ Речь идет о «романе в письмах» Владимира Шарова «Возвращение в Египет» (2013), в основу которого лег замысел показать трагическую историю XX века как результат «недоговоренного, недосказанного откровения» гоголевской поэмы («Гоголь замолчал на полуслове, оттого и пошли все беды. <...> пока кто-то из нас не допишет поэмы, они не кончатся»)⁸⁰ Единственным возможным актом искупления — продолжение «Мертвых душ» — возлагается героями романа, принадлежащими к потомкам Гоголя по боковой линии,

⁷⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. С. 117.

⁷⁸ См. подробнее: Дмитриева Е. Е. Миф о Беловодье, Опоньское царство староверов-бегунов и духовный подвиг Гоголя // *Studia litterarum*. 2018. Т. 3. № 3. С. 116–143. См. там же и о той роли, которую в более пристальном интересе Гоголя именно к бегунам сыграла деятельность Ивана Аксакова, работавшего в конце 1840-х годов в комиссии по делам раскола, и непосредственно его статья «Краткая заметка о странниках и бегунах».

⁷⁹ См., например, вышедший в 1854 году в Англии вольный перевод гоголевской поэмы на английский язык. Назывался он «Домашняя жизнь в России, описанная русским помещиком и исправленная издателем Откровений о Сибири» («Home Life in Russia. By a Russian Noble. Revised by the Editor of Revelations on Siberia»). Оспередованно тема Сибири присутствовала еще в одной мистификации, изданной в Киеве в 1857 году А. Ващенко-Захарченко под названием «Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя Похождения Чичикова».

⁸⁰ Шаров В. Возвращение в Египет: Роман в письмах. М., 2013. С. 76.

на Гоголя Второго, который, пройдя через «казни египетские» (они же сталинские лагеря), обдумывает «синопсис» второго и третьего томов.

И в этом синопсисе Чичиков, «по характеру, устройству своей жизни» «вечное перекасти-поле», внимательно присматривается к ответвлениям раскола, в частности к «странникам» («бегунам»), сближается с ними, принимает постриг. А в финале становится епископом Павлом, борющимся за восстановление древлеправославной иерархии, странствуя по России и «окормляя» старообрядческую паству.⁸¹

Утопия земли обетованной, о которой мечтает Чичиков, желающий прописать на ней свои мертвые души, поддерживается в романе Шарова учением русского религиозного философа-футуролога Н. Ф. Федорова, призывавшего человечество самостоятельно исполнить замысел Творца — объединиться и построить рай на Земле, а для этого, не дожидаясь Страшного суда, воскресить предков, вплоть до Адама. Так неожиданно загадка продолжения поэмы «Мертвые души» находит свое возможное разрешение в религиозной философии и русском космизме рубежа XIX и XX веков.

⁸¹ Там же. С. 263. См. подробнее: *Dmitrieva E. La Sibérie ou mettre fin à la malédiction qui pèse sur la Russie. Des Âmes mortes de Nicolas Gogol au Retour en Égypte de Vladimir Charov // La Sibérie comme paradis / Sous la dir. de D. Samson Normand de Chambourg et D. Savelly. Paris, 2020. P. 81–98.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-58-71

© А. М. ГРАЧЕВА

Н. В. ГОГОЛЬ И А. М. РЕМИЗОВ: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА И ЮБИЛЕЙНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

На протяжении всей жизни в художественном сознании Алексея Михайловича Ремизова имя Николая Васильевича Гоголя было символом, обозначающим ряд знаковых для него концептов русской культуры. Именно оно открывает перечень классиков, упомянутых на первой странице автобиографической книги «Подстриженными глазами»: «Темы и образы больших писателей — яркий пример уходящей в бездонность памяти. Но не только Гоголь, Толстой, Достоевский, но и все мы <...> и те, кто выпускает свои книги в издательстве, и те, кто за свой счет, и те, кто, как я, терпеливо переписывает без всякой надежды на издание, все равно, все мы <...> ясно видим <...> нашу про-память».¹

При обращении к теме «Ремизов и Гоголь» надо различать два, в сущности, близких аспекта. Одним из них является вопрос о тематическом и стилевом влиянии наследия классика на творчество младшего собрата по перу. С середины 1900-х годов и до конца своей творческой практики Ремизов в трактовке образа фантазмагорического Петербурга, его насельников («маленького человека», «петербургских типов» (хлыща, игрока, литератора etc.), разнообразной городской «нечисти» и «фантомов»), а также связанных с Петрополем фантазмов продолжал «гоголевские» традиции, усвоенные им

¹ Ремизов А. М. Подстриженными глазами // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 5.